

Ники Остин Роза Бэнкса

18+

НИКИ ОСТИН
Роза Бэнкса

«Автор»

2026

Остин Н.

Роза Бэнкса / Н. Остин — «Автор», 2026

Она была «Горой». Он — «Прекрасной горой». Их встреча была предопределена, но любовь оказалась лишь началом испытаний. Ирен фон Берг, наследница баварского рода, выросла среди альпийских туманов с шипами, защищавшими её сердце. Ив Бомон — дерзкий французский актёр, ворвавшийся в её тихий мир. Тайные побеги на озеро, ночь в горной хижине, «абсолютное зеркало» Оберзее — их любовь казалась нерушимой. Но когда Ив получает мировую славу, а Ирен остаётся в тени его софитов, хрупкое зеркало чувств трескается. Голливуд, красные дорожки, чужие объятия — и вот она стоит одна в опустевшей парижской квартире. Возвращение в Баварию, побег в Грецию, золотые розы без шипов и мужчина, который умеет лечить переломы. И не только физические. «Любовь без шипов» — история о том, что настоящая любовь не требует жертв. Она просто есть. Как гора. Как эхо. Как рассвет. Для тех, кто верит, что после боли всегда приходит исцеление.

© Остин Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1	5
Глава 1. Родовое поместье	5
Глава 2. Эхо Вацманна	7
Глава 3. Железные узы Гольденштайна	9
Глава 4. Зальцбургское образование	10
Глава 5. Французский вихрь	12
Глава 6. Две горы	15
Глава 7. Уроки на воде	17
Глава 8. Кровавый закат Вацманна	19
Глава 9. Абсолютное зеркало	21
Глава 10. Ночь на Оберзее	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Роза Бэнкса

Часть 1

Глава 1. Родовое поместье

В Зальцбурге всё имело привкус театрального грима и пыльных бархатных кулис. Память десятилетней Ирен намертво зафиксировала тот последний вечер: хрустальный звон разбитого бокала в гостиной, резкий запах маминых духов «Шанель» и чужой, злой голос отца, который со сцены всегда звучал так благородно. А на следующее утро её имя уже трепали в кофейнях на Гетрайдегассе. Газетчики смаковали развод главной актерской пары города, и Ирен казалось, что прохожие смотрят на неё с жалостью, смешанной с любопытством — как на сломанную театральную бутафорию.

Мама не выдержала и недели. Она швырнула в чемоданы ворох платьев, схватила Ирен за руку и уехала. Без предупреждения, без оглядки, прочь из Австрии. Так Ирен оказалась в Баварии.

Первые дни в Шёнау-ам-Кёнигсзее, в имении Мариенгрунд, казались затянувшимся, душным сном. Чужие, слишком огромные горы обступили поместье, словно конвоиры. Девочка пряталась в своей комнате, вздрагивая от каждого шороха. Ей казалось: если мир смог так легко расколоться в Зальцбурге, то здесь, среди жутких скал, её и вовсе раздавит.

Но усадьба фон Бергов, расположенная у самого озера, не была похожа на холодные, строгие королевские замки, которые Ирен видела на картинках. Это было настоящее родовое гнездо — старинный каменный дом с элементами фахверка, утопающий в сочной летней зелени и зарослях дикого плюща. Тяжелые дубовые двери здесь не запирали на засов, из кухни всегда пахло свежеспеченным пирогом с ревенем и корицей, а половицы приятно, по-домашнему поскрипывали под ногами, будто приветствуя новую жительницу.

Бабушка Элизабет и дедушка Хельмут не задавали вопросов. Они не расспрашивали о Зальцбурге, не упоминали отца и не пытались насильно развеселить внучку, а просто окутали её тихой, ненавязчивой заботой.

Бабушка по вечерам расчесывала Ирен длинные пшеничные волосы, напевая старые баварские мотивы, а дедушка оставлял на ночном столике теплое молоко с медом.

Особенно Ирен полюбила вечера в просторной баварской штубе. Это была главная комната в доме, где под неторопливый стук старинных часов с кукушкой собиралась вся семья.

В углу, под резным деревянным распятием, стоял огромный дубовый стол, отполированный до блеска локтями нескольких поколений фон Бергов. Здесь всегда пахло воском, топленым молоком и сушеной лавандой. Пока за окнами на зеркальную гладь Кёнигсзее опускались густые синие сумерки, бабушка Элизабет вязала, а дедушка Хельмут раскуривал старую трубку, выпуская к потолку колечки ароматного дыма.

Именно здесь в один из теплых дождливых вечеров Ирен впервые услышала легенду об озерном эхе. Дедушка, заметив, как внучка завороченно смотрит на огонь в печи, придвинул свой стул ближе.

— Ты ведь уже слышала, как горы разговаривают, верно, Ирен? — тихо спросил он, прищулив добрые глаза. — Местные верят, что эхо Кёнигсзее — это не просто физика, как пишут в школьных учебниках. Старые люди говорят, что в скалах Вацманна живет дух озера. Он никогда не начинает разговор первым. Но если человек приходит к нему с чистым сердцем или глубокой печалью и доверяет воде свой голос, дух забирает его боль. Он уносит её высоко в заснеженные расщелины, очищает среди ледников и возвращает обратно уже в виде благо-

словения. Горы отдают тебе твой же голос, но только ту его часть, в которой больше нет ни боли, ни страха.

Ирен слушала затаив дыхание. Она перевела взгляд на маму — та сидела чуть поодаль, в тени абажура. В её глазах, обычно усталых и напряженных, впервые за долгое время блеснули слезы, но это были тихие, очищающие слезы.

Девочка поняла: дедушка говорил это не только для неё.

Глава 2. Эхо Вацманна

У фон Бергов была собственная деревянная лодочная станция на Кёнигсзее. Потемневшее от времени и озерной влаги дерево пахло смолой, старыми снастями и холодной глубиной. Внутри эллинга всегда царил таинственный полумрак, сквозь который пробивались узкие полоски солнечного света, лениво пляшущие на воде.

В один из первых дней Ирен сидела на носу старой деревянной лодки, поджав колени к подбородку. Вода Кёнигсзее была настолько прозрачной, что казалось — лодка висит в воздухе над бездной, удерживаемая лишь невидимой силой.

В Зальцбурге, откуда они сбежали, всё было невыносимо громким: театральные крики матери, яростное хлопанье тяжелых дверей, испуганный шепот гувернанток в коридорах и шуршание утренних газет с отвратительными, жирными заголовками. Здесь же царил совсем иной мир. Здесь был только мягкий, ритмичный плеск весел. Дедушка нажимал на них медленно, без спешки. От его старого шерстяного жакета пахло крепким табаком, сушеной лавандой и озерной прохладой.

— Деда, ты говорил, что дух Вацманна никогда не заговаривает первым... — тихо напомнила ему Ирен, не отрывая взгляда от серых исполинов.

Дедушка кивнул и остановил лодку. С замерших весел сорвались в изумрудную гладь редкие тяжелые капли. Он полез в карман, достал старый, потемневший от времени медный рожок и поднёс к губам. Короткий, чистый и пронзительный звук взлетел к серым скалам.

Секунда оглушительной тишины — и вдруг гора ответила. Эхо вернуло звук, сделав его мягче, глубже, словно баюкающий перелив. Звук перелетал от одной вершины к другой, постепенно тая в вышине.

— Да, Ирен, — сказал дедушка, глядя на её бледное, осунувшееся лицо. — Они просто ждут, пока ты заговоришь первая. Звук прошлого откликается в настоящем...

В июле, когда туманы по утрам стали мягкими и теплыми, Ирен впервые решила выйти на озеро одна. Дедушка Хельмут сам выкатил для неё из эллинга небольшую деревянную лодку, лакированный борт которой из горной лиственницы мягко блестел на солнце.

— Озеро не любит суеты, Ирен, — тихо сказал он, передавая ей весла. — Гребите ровно. Если устанешь — просто сложи весла и слушай. Оно тебя не обидит.

Ирен научилась гребти на удивление быстро. Лодка послушно скользила по зеркальной, изумрудно-зеленой воде, которая была настолько чистой, что на глубине нескольких метров можно было безошибочно различить очертания донных камней и ленивые тени озерной форели. Здесь, посреди Кёнигсзее, Ирен наконец-то дышала полной грудью. Никаких сплетен за спиной. Никаких криков. Только монументальная стена горы Вацманн, отражающаяся в воде, как в гигантском, безупречно чистом зеркале.

Иногда она уплывала к самой середине озера, туда, где отвесные скалы подступали к воде особенно близко, не оставляя человеку ни клочка берега. Она поднимала весла, позволяя лодке замереть, и смотрела, как с горных пиков медленно, словно ленивые призраки, спускаются густые белые туманы. Они окутывали воду, стирали границы между небом и землей, отрезая Ирен от берега, от дома, от всего ранящего человеческого мира.

В один из таких дней Ирен, поддавшись странному, неосознанному порыву, робко позвала в молочную пустоту:

— Мама... Звук её детского голоса ударился о холодный серый склон отвесной скалы. Секунда оглушительной тишины — и Кёнигсзее отозвалось. Сначала далеким, отчетливым, словно высеченным из камня «...ма-ма...». Но скалы не просто вернули её зов. Перелетая от одного утеса к другому, отражаясь от древних ледников Вацманна, слово потеряло свои строгие границы: вторая и третья волна эха вернулись мягким, шелестящим вздохом, похожим на

шорох набегающей волны о гальку, убаюкивая: «...ма... ма... ам...». Казалось, горы разобрали её крик на слоги, забрали из него все накопленное отчаяние и вернули обратно лишь чистую, нежную колыбельную. Перешептываясь между собой, они старались утихомирить её боль.

Прошрое все еще нлыо где-то глубоко внутри, как незажившая рана, но здесь, в этой колыбели из тумана и эха, сердце девочки потихоньку исцелялось.

Она засыпала с мыслью, что этот покой пребудет с ней вечно, совершенно не подозревая, что совсем скоро строгие монастырские стены и холодные коридоры интерната Гольденштайн снова перевернут её жизнь.

Глава 3. Железные узы Гольденштайна

К одиннадцати годам Ирен окончательно поняла, что взрослые умеют воевать куда беспощаднее детей. Затишье на Кёнигсзее оборвалось внезапно, когда бракоразводный процесс её родителей в Зальцбурге превратился в затяжную, грязную судебную войну. Театральные кумиры публики делили имущество, банковские счета и контракты с яростью уличных бойцов. Заголовки газет, которые мама тщетно пыталась прятать, становились всё изощреннее. Журналисты караулили у ворот усадьбы, а имя уже одиннадцатилетней девочки то и дело мелькало в статьях как «главный козырь в споре сторон».

Тогда дедушка Хельмут принял волевое решение. В один из августовских вечеров в Штубе, когда за окном шумел тяжелый ливень, он сухо произнес: «Мы спрячем её там, где до неё не дотянется ни один репортер».

Этим убежищем стал замок Гольденштайн — элитный закрытый католический пансион, затерянный среди вековых деревьев Эльсбетена.

Когда тяжелые кованые ворота закрылись за спиной Ирен, её привычный мир снова вернулся. Контраст со свободой Кёнигсзее оказался оглушающим. Вместо зеркальной глади озера, предрассветных туманов и легких вёсел девочка получила строгую, до секунды выверенную монастырскую дисциплину. Сестры-августинки, заправлявшие пансионом, не признавали сантиментов. Жизнь здесь подчинялась звукам колокола: подъем, молитва, утренняя месса, бесконечные часы занятий и вечерняя тишина.

Ирен поселили в келейной спальне на верхнем этаже старинной башни. Из узкого стрельчатого окна была видна лишь серая каменная стена соседнего крыла да клочок сурового австрийского неба. В первые месяцы она засыпала под тихий шелест собственных слез, кусая губы, чтобы не разбудить других воспитанниц. Девочка чувствовала себя брошенной, запертой в золотой клетке ради чужого спокойствия.

Но замок Гольденштайн умел менять людей. Его толстые, дышащие вековой историей стены не ломали характер — они его кристаллизовали.

Год за годом Ирен осваивала сложную науку аристократической сдержанности. Монахини часами заставляли девочек ходить по длинным коридорам с тяжелыми книгами на головах, выправляя осанку так, чтобы плечи оставались неподвижными, а подбородок смотрел строго вперед. На смену эмоциональным вспышкам, унаследованным от родителей-актеров, пришел безупречный французский язык, ставший для Ирен своеобразным щитом. На французском её мысли звучали строже, в них не было места детской обиде. Она училась правильно держать бокал, говорить полупшепотом, даже если внутри всё клокотало от злости, и отвечать на любые колкости вежливой, ничего не выражающей улыбкой.

Здесь, за закрытыми дверями старинного замка, Ирен поняла: манеры — это не просто правила приличия. Это её личная броня. Ей больше не хотелось видеть в чужих глазах жалость к себе.

К пятнадцати годам напуганная, растерянная девочка, бежавшая из Зальцбурга, исчезла окончательно. Когда Ирен в последний раз спускалась по широкой замковой лестнице Гольденштайна, это была уже совершенно иная особа — статная, хладнокровная и уверенная в себе юная девушка. Обида на отца никуда не делась, она лишь глубже осела на дно души, надежно скрытая под безупречным глянцем монастырского этикета. Четыре года изоляции подарили ей внутреннюю силу, с которой миру теперь придется считаться. Она завершила первую ступень своего пути и была готова вернуться в Зальцбург, но уже на собственных условиях.

Глава 4. Зальцбургское образование

В пятнадцать лет Ирен вернулась в усадьбу фон Бергов, но это возвращение не было капитуляцией. Замок Гольденштайн остался позади, выполнив свою главную задачу — он подарил ей броню. Теперь пришло время для огранки ума, и дедушка Хельмут настоял на продолжении образования в Австрии.

Ирен поступила в Akademisches Gymnasium Salzburg — старейшую и самую престижную гимназию города, основанную еще в 1617 году.

Её жизнь подчинилась новому, удивительному ритму, сотканному из дорожных контрастов. Каждое утро начиналось в тишине баварского поместья. Серебристый автомобиль дедушки мягко выезжал из-за тяжелых кованых ворот, оставляя позади вековые деревья, сочную зелень Шёнау и суровый силуэт горы Вацманн. А всего через тридцать-сорок минут Ирен уже выходила на брусчатку Зальцбурга — роскошного, барочного, оглушающего своей музыкальной и театральной суетой.

Этот ежедневный путь между уединенной альпийской природой и шумной культурной столицей стремительно формировал её характер. В гимназии Ирен вращалась среди детей европейской элиты. Вокруг неё спорили о философии, политике и искусстве, но она держалась с той особой монастырской сдержанностью, которая заставляла сверстников уважать её с первого взгляда.

Девушка с головой погрузилась в мир классической музыки и драматургии. Пока её мама, ослепленная новой любовью и возобновившейся карьерой, непрерывно разъезжала по гастролям, Ирен сама изучала сцену. Только теперь она смотрела на неё не из-за кулис, а из строгого зрительного зала знаменитого Зальцбургского фестиваля. Благодаря врожденному чутью она безошибочно, с проницательностью опытного критика, подмечала фальшь в игре заезжих знаменитостей и преклонялась лишь перед истинным, редким величием.

Но какими бы яркими ни были огни Зальцбурга, настоящую себя Ирен обретала только по возвращении домой. Поместье фон Бергов, устроенное как усадьба полузакрытого типа, было её личной крепостью. Массивный забор из дикого камня, густо заросший плющом, надежно защищал её от внешнего мира. Возвращаясь после изнурительных выпускных экзаменов на аттестат зрелости или очередных громких премьер, Ирен выходила из машины, слыша, как за спиной смыкаются тяжелые ворота. Она поднималась по каменным ступеням мимо массивной дубовой двери на просторную деревянную террасу, с которой открывался вид на родные горы, и наконец-то сбрасывала с себя обязанности светской леди.

Здесь, в саду, она часто помогала бабушке Элизабет ухаживать за цветами — в особенности за её любимыми розами. В один из теплых предзакатных вечеров Ирен, срезая увядшие бутоны, неосторожно потянулась к пышному алому кусту и резко отдернула руку: на пальце выступила капля крови.

— Ай... — тихо поморщилась она, прижимая палец к губам и с досадой глядя на стебель. — И почему все так восхищаются розами? Постоянно накалываюсь на шипы. Ещё говорят, что это цветок любви. Что за любовь, если она вся в шипах?

Бабушка Элизабет бережно опустила секатор, расправила фартук и мягко посмотрела на восемнадцатилетнюю внучку сквозь стекла очков. Ирен стояла перед ней — статная, тонкая, с безупречной осанкой и глубоким, взрослым взглядом.

— Для розы, дорогая моя, шипы — это защита её красоты, — тихо произнесла бабушка, коснувшись её ладони. — Они нужны для того, чтобы каждый, кто небрежно протягивает руку ради минутного восхищения, помнил об осторожности. Красота нуждается в защите. Иначе её сорвут, растопчут и выбросят.

Ирен замерла, глядя на алую капельку на своей коже, а затем перевела взгляд на темнеющие в сумерках пики гор. Она поняла, о чем на самом деле говорила бабушка. За эти семь лет, прошедшие с момента побега из Зальцбурга, она сама превратилась в бутон, который ждет своего расцвета. Пережив крушение семьи, изоляцию интерната и искушения светского Зальцбурга, она не просто получила блестящее образование — она вырастила собственные, надежные шипы, готовая защитить себя от любого, кто посмеет к ней прикоснуться.

Глава 5. Французский вихрь

Летняя атмосфера баварского поместья фон Бергов была удивительным миксом аристократического покоя, альпийской свежести и застывшего во времени уюта. Здесь каждый звук и запах создавали то редкое ощущение абсолютной защищенности, которую Ирен так долго искала после развода родителей.

Утро в Шёнау всегда начиналось с бодрящей прохлады. Воздух, густой и чистый, пах влажной хвоей, свежескошенной травой и ледяной глубиной Кёнигсзее. К полудню солнце щедро прогревало деревянные балконы усадьбы, и к утренней свежести примешивался густой аромат нагретой смолы и цветущих гераней. Тишина здесь была живой, дышащей. С дальних горных пастбищ доносился глухой, убаюкивающий звон коровьих колокольчиков. Время от времени его пререзал едва слышный со стороны озера трубный звук — это пассажирские электролодки демонстрировали туристам знаменитое эхо. На самой же территории поместья слышалось лишь ленивое жужжание шмелей в саду да ровный шелест автоматической газонокосилки.

Главным местом встреч в этот сезон была просторная деревянная терраса. За её массивным столом Ирен проводила часы, неторопливо попивая чай и листая конспекты по истории театра. С веранды открывался ошеломляющий вид на двуглавую вершину Вацманна. В прозрачном воздухе гора казалась настолько близкой, что, чудилось, до неё можно дотянуться рукой.

В то время как на улице плавился июльский полдень, внутри дома, за толстыми каменными стенами первого этажа, царила блаженная прохлада. В большой штубе пахло пчелиным воском, привезенными из Зальцбурга старыми книгами и свежеспеченным бабушкиным пирогом с абрикосами. Со стен на этот покой строго смотрели черно-белые портреты предков в альпийских костюмах, а стрелки старинных барометров замерли в положении «ясно».

Время в усадьбе текло медленно, почти осязаемо. Дедушка Хельмут в легком льняном пиджаке неторопливо проверял охотничьи снасти или возился в саду. Бабушка Элизабет, как обычно, ухаживала за цветами. Даже мама Ирен, измотанная мюнхенскими судами и гастролями, наконец-то обрела умиротворение рядом с Томасом. Отчим Ирен был далек от театральной жизни, зато прекрасно разбирался в ресторанном бизнесе и умел дарить стабильность.

И именно в эту безупречную, ленивую летнюю идиллию внезапно, как вихрь, ворвалась французская съемочная группа.

Тишину разорвал непривычный, агрессивный гул мощных моторов. На узкую подъездную дорожку поместья, шумно шурша гравием, въехали огромные технические трейлеры со световым оборудованием. Французы припарковали тяжелые фургоны прямо перед коваными воротами и вдоль каменной ограды, бесперомонно перегородив выезд. Из машин тут же высыпали уставшие, взвинченные люди. Они громко спорили, экспрессивно жестикулировали и курили, бросая окурки на обочину.

В считанные минуты съемочная группа устроила хаос под стенами усадьбы. Толстые черные кабели змеями потянулись через цветники. Расторопные ассистенты, ни у кого не спросив разрешения, выносили тяжелые металлические штативы на безупречную, любовно подстриженную лужайку, шагая прямо по любимым альпийским розам бабушки.

Из главного фургона, шумно захлопнув пластиковую дверь, вышел режиссер — эксцентричный парижанин, на шее которого, несмотря на июльскую жару, был небрежно намотан длинный шелковый шарф. Он громко, на весь двор, раздавал команды:

— Виктор! Поставь этот прожектор туда, к деревянному сараю! И принесите мне наконец эспresso, здесь невыносимо печет!

В этот самый момент массивная дубовая дверь поместья распахнулась. На пороге появился дедушка. Хельмуту фон Бергу было около семидесяти лет, но он оставался подтянут и держал спину так, будто на нем до сих пор был надет парадный военный мундир. На дедушке был безупречно скроенный австрийский янкер с традиционными пуговицами из оленьего рога и дорогие, начищенные до блеска кожаные туфли. Он не стал суетиться или бежать к чужакам — он замер на каменном возвышении.

Хельмут перевел взгляд на каменный забор. Главной задачей этой ограды всегда было защищать ухоженную территорию от бродячего скота, лесных оленей или диких кабанов. Но теперь хаос сюда принесли люди.

Дедушка стоял, скрестив руки на груди, и сверху вниз, с ледяным спокойствием патриарха наблюдал за суетой у своего дома.

Ив Бомон, молодой и еще никому не известный французский актер, сидевший на ступеньках фургона в расстегнутой рубашке, первым заметил хозяина дома. Тот выглядел настолько монументально на фоне дикого альпийского пейзажа, что Ив невольно выпрямился.

Дедушка медленно, чеканя каждый шаг, спустился к незванным гостям. Четкий, весомый стук его подошв по брусчатке заставил киношников притихнуть. Режиссер, заметив хозяина усадьбы, тут же расплылся в приторной улыбке и двинулся навстречу, театрально раскинув руки:

— О, месье! Бонжур! Мы как раз располагаемся. Ваше поместье — это просто magnifique! Мы сделаем вам отличную рекламу в Париже!

Хельмут остановился в двух шагах от парижанина. Он не протянул руки в ответ, а лишь окинул француза холодным, оценивающим взглядом, каким опытные лесничие смотрят на жуков-короедов.

— Grüß Gott, — произнес дедушка низким, ровным басом. Его немецкое приветствие прозвучало над усадьбой как удар колокола. — Вы стоите на моей земле. И ваши люди топчут цветы, которые моя жена сажала в мае.

Режиссер растерянно моргнул. Он не понял ни слова, но ледяной, стальной тон баварца подействовал мгновенно. Улыбка француза сделалась натянутой и жалкой.

— Э-э... Виктор, где переводчик? Почему никто не говорит по-французски в этой глуши?! — раздраженно обернулся он к своей команде, взъерошивая редеющие волосы. Кажется, Гюстав был на грани истерики.

— Виктор! Этот старик сейчас вызовет полицию или спустит на нас собак! Где наш человек?

— Переводчик прилетит только вечером, — развел руками ассистент.

Атмосфера во дворе накалялась. Дедушка фон Берг величественно заложил руки за спину. Для него этот шумный, невоспитанный балаган был верхом наглости. Он уже был готов просто указать французам на ворота, расторгнув контракт аренды земли, который его дочь подписала по старой памяти, желая выручить знакомых театралов.

Но в этот критический момент на террасу вышла Ирен. Она легко, почти бесшумно сбегала по ступеням, подошла к дедушке и мягко взяла его за локоть. Взгляд её карих глаз был спокоен, осанка — безупречна, как учили в Гольденштайне. Хельмут был кремнем, но Ирен оставалась единственным человеком, чей жест мог его смягчить. Плечи старого баварца едва заметно расслабились.

— Messieurs, — её голос прозвучал негромко, но в наступившей тишине двора его услышал каждый.

Ирен повернулась к режиссеру и заговорила на изысканном французском — без малейшего намека на баварский акцент, с легкими, благородными интонациями парижских салонов, которым её так усердно учили сестры-августинки:

— Мой дедушка, герр фон Берг, приветствует вас в нашем доме. Однако он не намерен терпеть хаос на своей земле, а потому убедительно просит убрать кабели с лужайки в течение трех минут. В противном случае электричество для ваших трейлеров будет отключено. Навсегда. А в Баварии, как вы понимаете, слово фон Бергов — закон.

Французы замерли, переглядываясь. Парижская спесь режиссера испарилась в мгновение ока. Он испуганно взглянул на юную Ирен, затем на сурового хозяина усадьбы, который, услышав свою фамилию, одобрительно кивнул внучке.

Гюстав выронил рабочий блокнот прямо на брусчатку, рассматривая восемнадцатилетнюю девушку в простом летнем платье так, будто перед ним из тумана усадьбы явилась сама Жанна д'Арк.

— Вы... вы говорите по-французски?! — выдохнул он, задыхаясь от восторга. — Дитя мое, вы ангел, посланный небом! Скажите этому господину, что мы заплатим за каждую помятую розу! Нам просто необходима эта локация для съемок!

Ирен слегка приподняла бровь, и в её взгляде проскользнула холодная монастырская строгость:

— В данной ситуации дело не в деньгах, а в элементарном уважении к чужому труду. Моя бабушка годами ухаживает за этими розами. Передайте вашим людям, чтобы они немедленно перенесли кабели на дорожку. И тогда, возможно, дедушка разрешит вам остаться.

Гюстав испуганно взглянул на девушку, затем на её сурового дедушку. Поняв, что шутки кончились, режиссер бросился к рабочим, яростно размахивая руками и требуя немедленно убрать провода с клумб.

Пока он кричал, Ив Бомон, стоявший чуть в стороне у съемочного фургона, замороженно наблюдал за этой сценой. Он медленно сдвинул темные солнцезащитные очки на переносицу, с подлинным интересом рассматривая Ирен. В ней удивительно сочетались юная хрупкость и царственная уверенность. На губах актера промелькнула едва заметная улыбка. Ив понял: эти съемки в глуши будут очень интересными.

Парень лениво оттолкнулся от фургона, подошел ближе к террасе и, поймав прямой взгляд Ирен, тихо произнес — так, чтобы слышала только она:

— Вы только что спасли наше кино, мадемуазель...

— Фон Берг, — спокойно договорила Ирен, даже не повернув к нему головы. — И я спасала не ваше кино, господин...

— Бомон, — представился он, слегка наклонив голову в знак приветствия.

— ...Я спасала покой своей семьи.

Глава 6. Две горы

Французы обосновались в гостевом крыле усадьбы фон Бергов, и жизнь поместья окончательно разделилась на «до» и «после». Съёмки шли полным ходом, наполняя старинный двор суетой, чужой речью и стрекотом камер. За прошедшие недели Ирен и Ив Бомон успели привыкнуть к присутствию друг друга, но один на один так и не сталкивались, наблюдая изда- лека.

В один из дней Ив сбежал со съёмочной площадки вглубь сада. Он был на взводе: сложная сцена никак не давалась. Эксцентричный Гюстав требовал от него «дикий, первобытный аль- пийской страсти», а Ив — стопроцентный, утонченный парижанин — чувствовал себя среди этих гигантских скал чужаком. Он нервно расхаживал по траве, вслух повторяя реплику из сценария, и отчаянно, зло жестикулировал.

Ирен молча наблюдала за ним с высоты просторной террасы. Перед ней лежала раскрытая книга. Девушка была одета просто, по-домашнему — в прямое льняное платье с вышивкой по низу, а волосы сплетены в толстую косу.

Ив в сердцах взмахнул руками и вскрикнул по-французски:

— *Ce n'est pas une montagne, c'est un monstre!* — раздраженно уставившись на подавля- ющую своей монументальностью двуглавую вершину Вацманна.

— Она не чудовище. Она просто не любит, когда на неё кричат, — спокойно произнесла Ирен.

Ив замер. Он не ожидал её присутствия и замешкался, нерешительно поднимая глаза и натываясь на вдумчивый взгляд карих глаз Ирен, смотревшей на него с легкой, едва заметной иронией.

— Простите, я не видел вас, — попытался оправдаться Ив.

— Нет причин для беспокойства, — ответила Ирен, неторопливо перелистав страницу. — Я думаю, господин Бомон, вам стоит поработать над интонацией. Французская экспрессия плохо сочетается с баварским эхом. Горы вам в таком тоне не ответят.

— Горы меня угнетают, — признался Ив, подходя ближе к деревянным перилам террасы. Его взгляд заметно потеплел, в нем загорелось живое любопытство. — Я чувствую себя здесь крошечной песчинкой.

— Ив Бомон... Жертва альпийского пейзажа, — Ирен тихо, едва слышно усмехнулась, опустив взгляд на книгу. — Знаете, в вашей фамилии кроется пугающее для этих мест про- тиворечие.

— В самом деле? — Ив заинтригованно подался вперед. — И какое же?

— *Beau-mont*. Прекрасная гора, не правда ли? Вы приехали из самого Парижа с фами- лией «Прекрасная гора», но при этом умудрились поссориться с первой же настоящей горой на своем пути.

Ив на секунду задумался, переваривая её слова, а затем его лицо озарила широкая, обез- оруживающая улыбка — та самая, ради которой продюсеры пророчили ему большое будущее в кино.

— Туше, — рассмеялся он. — Один — ноль в вашу пользу, мадемуазель. Значит, я «Пре- красная гора»? А как имя укротительницы моего французского эго? Не Ирен ли фон Берг?

Ив пристально посмотрел на неё, затем медленно перевел взгляд на гигантский, темне- ющий силуэт Вацманна за её спиной и снова вернулся к её лицу.

— *Von Berg?!* — воскликнул он, и в его голосе появился чисто французский, слегка утрированный драматизм. — Вы шутите? Но ведь *Berg* — это же...

— Да. «Гора» по-немецки, — кивнула Ирен. — Так что технически, господин Бомон, вы сейчас находитесь на территории Горы, спорите с Горой и пытаетесь перекричать Гору. На вашем месте я бы вела себя осмотрительнее.

Ив качнул головой. Его капризное парижское настроение мгновенно улетучилось, уступая место азарту и какому-то новому, незнакомому доселе трепету.

— Значит, мы с вами — две горы на одном клочке земли? — тихо спросил он, глядя ей прямо в глаза. — Французская и немецкая?

— С той лишь разницей, — Ирен плавно развернулась, собираясь уйти в прохладу дома, — что моя гора стоит здесь веками. А вашей ещё нужно доказать режиссеру, что она способна выдать правильную эмоцию в следующем дубле. Идите, Ив. Вас уже ищут.

Глава 7. Уроки на воде

Частное право на владение эллингом прямо на берегу Кёнигсзее было редчайшей, баснословно дорогой привилегией, которая веками передавалась в семье фон Берг из поколения в поколение.

Из-за строжайших экологических законов Национального парка Берхтесгаден обычным моторным лодкам путь на озеро был закрыт навсегда. Здесь признавали только бесшумные электрические суда или тяжелые весла. Именно поэтому старинная лодочная станция усадьбы стала идеальным, глубоко личным пространством для Ирен и Ива, надежно скрытым как от глаз суетливой съемочной группы, так и от всевидящего ока строгого дедушки Хельмута.

Причиной для их уединения стал зашедший в тупик творческий процесс. Эксцентричный Гюстав привез парижскую команду в Баварию, чтобы снимать сложную психологическую драму с элементами мистики под рабочим названием «Эхо Вацманна». Ив Бомон играл роль молодого французского композитора конца XIX века, который после глубокого душевного надлома сбегает из Парижа к загадочному горному озеру. По сюжету, катаясь на одинокой лодке, он начинает слышать в озерном эхе голоса своего прошлого, которые помогают ему написать лучшую симфонию.

Гюстав, как истинный приверженец артхауса, категорически отказался от дублеров и компьютерной графики. Главной сценой фильма должен был стать длинный, непрерывный четырехминутный кадр: герой Ива в полном одиночестве плывет на рассвете, когда над водой поднимается густой пар. Актерская задача стояла запредельная — Ив должен был грести аристократично, плавно, будто занимался этим всю жизнь, и при этом отыгрывать лицом сложнейшую меланхолию, не косясь на весла.

Проблема заключалась в том, что стопроцентный парижанин Бомон до этого держал весла только на тренажере в фитнес-клубе. На репетициях традиционная баварская лодка из лиственницы под его управлением просто кружилась на месте, весла шумно шлепали по воде, распугивая альпийских уток, а Гюстав рвал на себе шелковый шарф, крича, что Ив безбожно разрушает атмосферу девятнадцатого века.

В полном отчаянии режиссер умолял Ирен о помощи. Дедушка, скрепя сердце и ворча под нос, разрешил внучке показать французу основы гребли. Так они оказались на родовой лодочной станции фон Бергов.

Внутри старинного деревянного домика на сваях, уходящих в прозрачную изумрудную глубину, царила звенящая, священная тишина. Пахло озерной прохладой, сухим деревом, дорогим лаком и старыми сетями.

Шумные французские трейлеры и истеричные выкрики режиссера остались далеко позади, за каменной оградой усадебного парка.

Чтобы научить Ива ловить баланс коварной горной воды, восемнадцатилетней Ирен пришлось сесть в лодку рядом с ним.

В это мгновение с них окончательно слетели все маски. Ив больше не пытался казаться будущей высокомерной звездой Парижа. Он затаив дыхание слушал девушку с благородной выправкой воспитанницы Гольденштайна и уверенной ловкостью альпийской девушки. Каждое её движение в лодке выглядело произведением искусства.

— Лодка — это продолжение твоего тела, Ив, — тихо говорила Ирен, аккуратно накрывая своими тонкими пальцами его ладони, лежащие на рукоятках весел. — Не спорь с водой. Почувствуй её сопротивление. Гребь не руками, а спиной. Ровно. Мягко.

От близости в узком деревянном пространстве и случайных прикосновений рук их зарождающаяся влюбленность стремительно перерастала из робкой искры в настоящее, обжигающее пламя.

Во время этих уроков Ив, смотря на Ирен, внезапно понял, что сюжет фильма удивительным мистическим образом переплетается с реальностью. По сценарию герой влюблялся в призрачный голос скал, а в реальной жизни Ив Бомон («Прекрасная гора») отчаянно влюблялся в Ирен фон Берг («Гору»), которая становилась его осязаемым земным якорем и главным источником вдохновения. Ему больше не нужно было играть бурю эмоций перед камерой.

В один из вечеров, когда они заплыли далеко вглубь озера, туда, где отвесные серые скалы Вацманна подступали к воде вплотную, Ирен подняла весла и попросила его замолчать.

В наступившей первозданной тишине Ив сделал глубокий вдох, не отрывая взгляда от карих глаз девушки, и тихо, одними губами позвал:

— Ирен... Секунда тишины — и монументальные горы послушно подхватили его призыв. Восточная стена Вацманна несколько раз вернула ему это имя чистым, идеальным и удивительно нежным эхом, бережно перекачивая слоги по заснеженным вершинам.

Ив открыто улыбнулся — без прежнего парижского апломба:

— Кажется, на этот раз твоя гора мне ответила, Ирен.

— Она ответила, потому что ты перестал кричать и наконец-то научился слушать, — тихо отозвалась Ирен, и на её щеках впервые проступил едва заметный румянец.

Здесь, посреди по-летнему бирюзового зеркала Кёнигсзее, их шутливая метафора про «две горы на одном клочке земли» обрела осязаемую, глубокую романтику, навсегда связав утонченного актера из Франции и гордую баварскую наследницу.

Глава 8. Кровавый закат Вацманна

С этого дня их поездки превратились в тайные побегі. Для съёмочной группы Ив «просто уходил репетировать», но на самом деле Ирен шаг за шагом открывала ему душу этих мест.

С каждой новой локацией Ив играл всё лучше. Гюстав никак не мог понять, откуда у молодого, пока ещё поверхностного парижского актера внезапно появился этот глубокий, мудрый и пронизательный «альпийский» взгляд.

Чтобы окончательно сбежать от суеты съёмочной площадки и бесконечных капризов режиссера, в один из вечеров они уплыли на деревянной лодке фон Бергов в самую глубокую и мрачную часть Кёнигсзее — туда, где прямо в ледяную воду обрывается знаменитая Восточная стена Вацманна.

Эта гигантская отвесная скала, самая высокая в Восточных Альпах, уходила вертикально вверх почти на два километра, закрывая собой половину неба.

Ив уже делал заметные успехи в гребле. Он плавно опускал весла в изумрудную воду, и лакированная листовница скользила по озерной глади практически бесшумно. Они подошли к самому подножию каменного исполина, когда солнце начало стремительно садиться за пики.

В этот момент случилось чудо. Из-за особого преломления июльского света серая, безжизненная стена Вацманна на глазах начала менять цвет. Она вспыхнула сначала золотом, затем густым багрянцем и, наконец, окрасилась в глубокий, пугающий кроваво-красный оттенок. Гора словно начала пылать изнутри. Над потемневшей водой поднялась легкая, призрачная дымка.

— Боже мой... — Ив замер, перестав грести. Тяжелые весла застыли в его руках, удерживаемые лишь кожаными ремнями, и с их лопастей в воду срывались редкие капли. Он завожжено смотрел вверх на этот пылающий камень. — В Париже нет таких цветов. Это выглядит... зловеще. И прекрасно.

— Местные называют это *Almglühen* — альпийское сияние, — тихо произнесла Ирен, сидя напротив него на корме. — Но у Вацманна оно особенное. Наш озерный край полон легенд. Дедушка рассказывал, что этот багровый цвет — кровь жестокого короля Вацманна. Бог превратил его вместе с женой и семерыми детьми в эти скалы за их страшные грехи: ради забавы королевская кавалькада вытаптывала крестьянские посевы, рушила дома и мучила простых людей. И теперь каждый вечер гора истекает кровью, напоминая о цене жестокости.

Ив медленно перевел взгляд с полыхающей скалы на Ирен. В лучах этого мистического заката её лицо, обычно сдержанное, бледное и защищенное маской интернатского этикета, тоже казалось теплым, окутанным мягким сиянием.

— Кровь короля... — эхом отозвался Ив. В его глазах загорелся тот самый живой актерский блеск, который так тщетно искал Гюстав. — Мой герой в сценарии... он ведь тоже считает себя виновным в гибели любимой. Он приезжает сюда и ждет, что горы накажут его, превратят в камень. Он ищет это эхо, потому что его собственная душа застыла, как этот Вацманн. Он боится величия этой природы, потому что на его фоне его грех кажется огромным.

— Но горы не наказывают, Ив, — Ирен посмотрела на него со всей той зрелостью, которую принесли ей суровые стены Гольденштайна и пережитый когда-то развод родителей. — Они просто отражают то, что у тебя внутри. Если ты приехал сюда с болью, они вернут тебе твою же боль. Если с любовью — они вернут любовь, намного сильнее, чем была. Эхо Вацманна — это не мистика. Это просто твой собственный голос, который ты так боишься услышать.

Ив смотрел на неё, пораженный до глубины души. Слова восемнадцатилетней девушки били точнее и глубже, чем все наставления парижских профессоров по актерскому мастерству. Она только что, сама того не ведая, дала ему ключ к роли. Ключ к финалу всего фильма.

Лодка плавно покачивалась на воде, которая из бирюзовой стремительно превращалась в чернильно-темную. Багровый свет на скале начал медленно угасать, уступая место густым сумеркам. С гор потянуло ощутимой прохладой. Ив окончательно отпустил весла. Он подался вперед, сокращая расстояние между ними в узком пространстве деревянной лодки, и бережно взял Ирен за руки. Его ладони были теплыми, чуть шершавыми от недавней гребли.

— Ты — моё эхо, Ирен, — прошептал он по-французски, и его голос в этой звенящей тишине прозвучал непривычно хрипло. — Я приехал сюда совершенно беспечным. Теперь же мне кажется, что эта гора... и ты... вы заполнили меня до самых краев.

Ирен не убрала рук. Её строгая интернатская выправка окончательно рушилась под этим темнеющим альпийским небом. Скалы вокруг них молчали, уходя бесконечной стеной прямо под черную воду, но между «двумя горами» — Бомоном и фон Берг — в эту секунду сошла лавина чувств, которую уже невозможно было остановить.

На следующее утро Гюстав объявил съемку той самой ключевой, непрерывной четырехминутной сцены в лодке на рассвете. Ив сел на весла. Он больше не суетился, не шлепал по воде и не искал подсказок глазами. Когда камера начала работать, а над Кёнигсзее поднялся густой утренний пар, он смотрел на суровый Вацманн, но думал только об Ирен.

Ив выдал настолько мощный, глубокий, пронзительный и трагичный дубль, что режиссер в оцепенении забыл командовать «Стоп! Снято!». Вся французская съемочная группа на берегу застыла в благоговейном безмолвии, боясь шелохнуться.

В это июльское утро Ив Бомон перестал быть просто красивым парижским мальчиком. Он стал настоящим актером именно здесь, на зеркальной воде Кёнигсзее.

Глава 9. Абсолютное зеркало

Чтобы окончательно укрыться от удушающего внимания съемочной группы и всевидящего ока дедушки Хельмута, Ирен и Ив решились на безумный, спонтанный шаг. Они задумали побег к Оберзее — крошечному высокогорному озеру, зажатому в узкой котловине между гигантскими отвесными скалами альпийского хребта.

Этот заповедный водоем, расположенный всего в двадцати минутах ходьбы от конечной лодочной станции Кёнигсзее, славился своим феноменом «абсолютного зеркала». Из-за идеальной защиты от ветра там никогда не бывало ряби, а исключительная прозрачность ледяной воды создавала поразительную оптическую иллюзию «двойного мира», где грань между реальными Альпами и их отражением полностью стиралась.

Они сыграли в «прятки у всех на виду», затерявшись среди туристов на одном из последних дневных рейсов от причала Шёнау. Чтобы Ива не узнали коллеги, он подыграл своему амплу загадочного француза: поднял воротник легкого бомбера и спрятал глаза за темными очками, устроившись в глубине закрытого салона.

Электроход, сделанный из полированного темного дерева, шел почти бесшумно — внутри слышался лишь едва заметный, ровный гул электродвигателя и мягкий плеск волн за бортом. Именно благодаря этой бесшумности судна на середине пути капитан традиционно заглушил мотор. В звенящей, благоговейной тишине он заиграл на медной трубе, демонстрируя пассажирам знаменитое озерное эхо. Чистые звуки мелодии улетали к скалам и возвращались обратно, дробясь и повторяясь целых семь раз. И в этой музыкальной колыбели, под сводами деревянного салона, Ив и Ирен впервые обнялись. Стук их сердец вторил затихающему трубному эхо, став саундтреком к их общему секрету.

Вскоре электроход привез их на конечную станцию Салет — глухой тупик, откуда дальше путей для кораблей уже не было. Часы показывали половину шестого вечера.

Оберзее находилось в самом сердце охраняемого Национального парка Берхтесгаден, где дикий кемпинг, установка палаток и разведение костров были строго запрещены под угрозой огромных штрафов.

Перед отправлением финального обратного рейса бдительные рейнджеры парка всегда прочесывали туристические настилы. Но Ирен, выросшая в этих краях, знала, как перехитрить смотрителей. Уводя Ива за собой, она сошла с главной тропы. Они спрятались выше по склону, в густом подлеске за валунами, затаив дыхание. Ив был в абсолютном восторге от этой шпионской игры, которая казалась ему куда более захватывающей, чем любые съемки в Париже.

Из своего укрытия они видели, как капитан собрал последних пассажиров, и замерли, пока вдали окончательно не затих гул уходящего электрохода. В этот момент они поняли: пути назад нет. До самого утра они заперты в этой горной колыбели, полностью отрезанные от цивилизации.

Ночь укутала Оберзее внезапно, словно на ущелье набросили тяжелый бархатный полог.

Глава 10. Ночь на Оберзее

Внутри старинной деревянной лодочной хижины Фишункелальм воцарилась крошечная тьма, которую нарушал лишь тусклый, холодный свет экрана смартфона Ива.

Ирен сидела на перевернутой лодке, поджав колени к подбородку. На её плечах была наброшена его объемная куртка-бомбер, пахнувшая парижским парфюмом и табачным дымом. Ив, всматриваясь в светящийся дисплей, тщетно водил пальцем по воздуху, пытаясь поймать хотя бы призрачный след сети.

— Невероятно. Ни одной палочки, — Ив покачал головой, и на его лице отразились блики экрана. — Вообще ничего. Только надпись «SOS-вызовы». Во Франции нужно очень постараться, чтобы найти место, где не ловит даже 3G. А здесь... мы словно на обратной стороне Луны.

— Добро пожаловать в Берхтесгаден, Ив, — тихо усмехнулась Ирен. Её дыхание в опустившемся на избушку холоде превратилось в легкий прозрачный пар. — Эти скалы высотой в два километра. Они не пропускают сигналы твоих парижских продюсеров. Выключи его. Только батарею посадишь.

Ив послушно опустил руку. Кнопка блокировки тихо щелкнула, экран погас, и избушку мгновенно затопила густая, осязаемая альпийская тьма. Парень сел на доски рядом с ней, слегка вздрогнув от пронизывающей озерной сырости.

Из-за близости к леднику — знаменитой Ледяной капелле — от воды тянуло леденящим холодом, и температура стремительно упала до плюс восьми градусов. Ив оказался совершенно не готов к суровой горной ночи: его модные кеды быстро промокли от росы, а легкая одежда не спасала от сырости. Ирен, проявив характер, помогла ему укрыться, отыскав в углу старые, сухие рыбацкие сети и плотный брезент. О разведении костра не могло быть и речи — любой дым выдал бы их егерям. Единственным способом согреться было прижаться друг к другу, делясь последним теплом.

— Странное ощущение, — негромко признался он, всматриваясь в темноту, где едва угадывался силуэт девушки. — Мой агент, наверное, уже обрывает домашний телефон твоего дедушки. Режиссер думает, что я окончательно сошел с ума и сорвал утреннюю съемку. Завтра меня возненавидит вся съемочная группа.

— Жалеешь, что сбежал со мной? — Ирен повернула к нему голову.

— Нет, — ответил Ив без секундного колебания. Его голос звучал непривычно серьезно. — Впервые за три года непрерывных съемок я не должен играть Ива Бомона. Знаешь, в Мариенгрунде меня все время снимают. Даже когда камеры выключены, на меня кто-то смотрит — ассистенты, фанаты за забором, твоя семья... А здесь меня нет. Нас двоих просто нет в цифровом мире. Мы стерты. И это лучшее, что случилось со мной за последнее время.

Ирен мягко придвинулась ближе, делясь с ним теплом своего тела сквозь плотную ткань куртки.

— Послушай... Слышишь этот глухой треск вдали? — прошептала она. — Это Вацманн. Гора «дышит». Ночью лед тает, подтачивая породу, и огромные камни падают в бездну. Горные егеря говорят, что у Оберзее в некоторых местах вообще нет дна.

Ив тепло улыбнулся, осторожно обнимая её за плечи и прижимая к себе.

— Прекрасно, — тихо рассмеялся он ей в волосы. — Если мы провалимся сквозь землю, то хотя бы сделаем это без свидетелей и дурацких сторис в Инстаграме.

Ночная тишина Оберзее пугала и завораживала одновременно. Из темноты то и дело доносились странные шорохи диких оленей и сурков, заставляя городского парня вздрагивать. Время от времени первозданное безмолвие взрывалось грохотом падающих камней со стены Вацманна или глухим рокотом далекого водопада Рётбах. Из-за идеального, мистического эха

котловины эти звуки в темноте казались оглушительными, будто лавина сходила в паре шагов от них.

Они замолчали, слушая, как суровые ночные Альпы живут своей мистической, скрытой от людей жизнью. Броня, которую Ирен так долго выковывала в монастырских стенах Гольденштайна, окончательно растаяла в этой первозданной баварской глуши.

Когда предрассветный туман наконец рассеялся, а небо над скалами начало светлеть, они вышли из хижины и замерли. Перед ними раскинулось «абсолютное зеркало». Вода Оберзее была настолько неподвижной, что на её поверхности отсутствовала даже малейшая рябь. Небо, усыпанное бледнеющими звездами, и гигантские, монументальные Альпы отражались в воде со стопроцентной, пугающей чёткостью. Граница между реальным миром и его зеркальным двойником стерлась полностью. Казалось, деревянная хижина и они сами парят в невесомости посреди открытого космоса.

Ив, привыкший к фальшивым картонным декорациям и киноэффектам, замороженно смотрел на эту оптическую иллюзию, а затем перевел взгляд на Ирен. Она стояла у кромки воды — растрепанная после холодной ночи, в его огромной куртке, без фильтров и макияжа, но её глаза светились той дикой, царственной уверенностью, которую он так сильно полюбил.

Достав телефон, Ив сделал один-единственный снимок. Ирен на фоне безупречного отражения гор. Он знал, что этот случайный кадр на исходе батареи станет для него дороже любого профессионального постера к фильму и всех будущих обложек глянцевого журнала.

В этой первозданной чистоте природы, где стерлась грань между небом и землей, окончательно рухнули и все социальные барьеры между ними. Больше не было популярного французского актера и закрытой монастырской выпускницы. Были только они — две горы, Бомон и фон Берг, нашедшие свое идеальное отражение друг в друге.

Спустя полчаса вдали, со стороны Кёнигзее, раздался первый, едва слышный гул приближающегося утреннего электрохода. Горная колыбель открывала свои двери, возвращая их назад — к реальности, съемочной площадке и неминуемому финалу этого баварского лета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.